
ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИИ РИТУАЛА В СТРУКТУРЕ НЕВРОЗА НАВЯЗЧИВЫХ СОСТОЯНИЙ ЛИЧНОСТИ

ВЛАДИМИР МИКАЕЛЯН, ЭРИК МИКАЕЛЯН

Прежде чем излагать концептуальный подход к исследуемой проблеме, заметим, что психопатологическая симптоматика, как правило, несет в себе латентный адаптационный потенциал. Больные неврозом навязчивостей не выделяются подспудным, бессознательным стремлением получить вторичную выгоду. Они критично относятся к своему состоянию, но оказываются не в силах его преодолеть теми методами и способами защитного характера, которые сформировали в течение своей жизни. Мы хотим особо подчеркнуть желание больного избавиться от приступов навязчивостей. Но его страшит не только процедура бессмысленных действий и навязчивых мыслей. Он испытывает тревогу по поводу возможного избавления от этих состояний. Несмотря на свою мучительность, эта навязчивость избавляет больных от невыносимых, часто бессознательных мыслей и переживаний. Навязчивость для них – единственный способ защиты от более тяжелых психических состояний. Это значит, что навязчивость можно рассматривать и в качестве защитной стратегии личности. Ритуал как исторический феномен представляет собой определенную церемонию или службу, обладающую неким смыслом. Религиозные ритуалы, как известно, содержат в себе терапевтическую функцию. *Нет ничего в психотерапии, чего раньше не было бы в религии.* Сознательно или неосознанно участники ритуала переживают определенное воздействие терапевтического характера и при этом улучшение своего состояния приписывают сверхъестественным силам. Феномен суггестии, несмотря на свою изученность, до сих пор оставляет многие вопросы открытыми. Идея ритуала заключена для человека в том, что он непременно вызывает благотворное влияние или неминуемо приводит к достижению цели. В процессе ритуальной церемонии возникает потребность найти мистическую связь между словами, действиями и их воздействием. В ритуальной церемонии человек чувствует себя защищенным. Таким образом, психологический смысл ритуала состоит в обеспечении защитной функции. Именно этот смысл лежит в основе навязчивых действий, в ритуальной активности больного. Ритуал в социальной жизни однозначно носит защитный, а значит адаптивный характер. Каждый человек практически каждый день использует ритуальные действия, которые часто носят ситуативное название.

Способность жить в социальной среде постоянно поддерживается следованием ритуалам. Взаимодействие с социальным миром, с конкретными лицами также является некой ритуальной активностью личности. Различные протоколы поведения на тех или иных уровнях социальной, политической и религиозной жизни допустимо интерпретировать как ритуальные действия. Всякий нормальный человек способен жить в своей культуре, поскольку каждая культура ритуализована до мелочей. В социальной жизни повторяющиеся явления также могут быть навязчивыми. Это навязчивость, навязанная культурой. В социальном контексте мы, как правило, не видим психопатологической симптоматики. «Человек не может прожить совсем без ритуалов. Верующий убежден, что если изо дня в день повторять один и тот же набор слов и жестовых комбинаций, то Бог поможет изменить жизнь — или сознание просветлится, или снизойдут небесные ангелы-хранители»¹. Позиция верующего, несмотря на явные патологические характеристики, ни у кого не вызывает удивления, эти формы навязчивости воспринимаются в качестве психологически нормальных, несмотря на очевидную ананкастную структуру поведения. «Существуют легкие формы навязчивости, которые относятся к области нормально психологических, хотя бы и в ананкастных личностных структурах»². Легкими формами навязчивости мы называем те формы поведения, те паттерны эмоционального реагирования, которые не вызывают у нас тревоги. Зачастую это бессмысленные с точки зрения здравого смысла ритуальные поведенческие и мыслительные конструкции, однако сам здравый смысл также является ритуалом, то есть способом повторяющихся суждений, умозаключений и паттернов поведения. «То, что скептику кажется лишь бессмысленным повторением, для человека, живущего внутри ритуального круга, есть приближение действительности к ее идеалу, причем приближение временное, так как действительность любит уходить от прямого и должного по кривым путям своего случайного и непродуманного выбора. Для человека, лишь внешнего ритуалу, в нем нет ничего, кроме беспросветной скуки или предмета для ученого любопытства. Однако, с точки зрения общества и культуры, едва ли найдется что-то более целительное, соединяющее людей в мир, чем ритуальное поведение и ритуальное сознание»³. Картина легких феноменов навязчивости достаточно красочна: человек постоянно считает ступеньки на лестнице, запоминает номера машин, в голове звучит повторяющаяся мелодия; имеются в виду любые фиксированные привычки, которые проявляются каждый день. Все эти действия воспринимаются не мучительно, но в порядке вещей. Человек практически каждый день

¹ Емельянов В. В. Ритуал в Древней Месопотамии. СПб.: «Азбука-классика», 2003, с. 16.

² Телле Р. Психиатрия с элементами психотерапии. М.: «Высшая школа», 1999, с. 118.

³ Емельянов В. В. Указ. соч., с. 16.

совершает некий ритуал. Любое действие, имеющее для него функцию защиты, составляет важную часть его поведения. Любое повторяющееся действие имеет значение защитного механизма. Каждый ритуал несет функцию сознательной или неосознанной защиты.

Конечно, это не единственная функция. В специальной литературе описываются несколько функций ритуала: социализирующая (дисциплинирующая, подготовительная), интегративно-коммуникативная (организующая чувства и настроения коллектива, приводящая его к состоянию нераздельной общности), воспроизводящая (поддерживающая традиции, нормы и ценности коллектива) и психотерапевтическая (создающая психологический комфорт в коллективе). Ритуал исполняет для архаического сознания роль символической реальности, символической активности для обеспечения и поддержания психосоматического здоровья личности. Для архаического сознания ритуальная реальность представляет собой нечто большее, чем внешняя условность или атрибутика древнего группового сознания. Для архаического сознания ритуальность скорее всего условие для выживания, и в этом значении ее следует рассматривать как субъективную реальность или реальность, обладающую конкретным защитным потенциалом.

Ритуальность, рассматриваемая нами в структуре невроза навязчивых состояний личности, стала предметом исследования в российской психиатрии в начале XX столетия. В 1947 году вышло в свет исследование С. Н. Давиденкова, рассматривающее ритуальность в контексте эволюционно-генетического подхода. Исследуя психофизиологические аспекты формирования ритуального поведения, Давиденков делит людей на два типа: художественный и умственный. «Первый тип характеризуется живым и эмотивно ярко окрашенным непосредственным восприятием действительности и обычно идет рядом с достаточной силой подкорки; второй характеризуется отвлеченностью, рассудочностью, а часто излишним умствованием, в то время как непосредственная, действительная жизнь представляет часто для такого рода субъектов непреодолимые затруднения»⁴. Соответственно этому делению Давиденков считал, что умственный тип более склонен к психастении, а художественный тип – к истерии. Однако и первому и второму типам свойственна навязчивость. «В самом деле, что делает с точки зрения динамики корковых процессов тот самый спешащий домой австралиец, который обламывает ветку дерева, чтобы остановить солнце? Он находится в состоянии тревоги вследствие застойной и аффективно окрашенной работы определенных кортикальных комплексов, эта тревога его мучает и ему мешает; гипертрофируясь, она начинает приобретать черты obsessions, и тогда

⁴ Давиденков С. Н. Эволюционно-генетические проблемы в психопатологии. Л., 1947, с. 25-26.

человек создает в коре своего мозга новый пункт концентрации раздражительного процесса и использует отрицательную индукцию из этого второго очага, чтобы успокоить остальную кору мозга. Тем самым он уничтожает чувство мешающей ему тревоги, и, стало быть, лучше может руководить своими действиями и, конечно, получает больше шансов попасть домой до захода солнца. Достиг ли ритуал своей цели? Конечно, да, и австралиец, повторяя то же действие в следующий раз, с полным правом может быть рассматриваем как человек, обосновывающий свои поступки на опыте и наблюдении»⁵. Давиденков рассматривает ритуал в качестве объекта психопатологии: ритуальность формируется вследствие трансляции страхов неприспособленных членов общества на поведение приспособленных. Эта точка зрения, безусловно, не безупречная, но она представляет собой теоретический конструкт, не поддающийся проверке. Культовые действия, как правило, состоят из набора ритуальных процедур, и скорее всего в этих действиях можно усмотреть определенную функцию психологической защиты. Давиденков рассматривает сами ритуальные действия как следствие защиты от навязчивостей. Речь о том, что ритуал создан страхами и навязчивостями древнего человека. Поэтому он – объект изучения психопатологии. «Ритуал в этой концепции является тормозом эволюции и естественного отбора, и он же — первое свидетельство возникновения культуры. Значит, слабость и страх, по этой теории, явились могучими двигателями культурного развития человечества, а культура возникает как символическое средство преодоления естественных недостатков»⁶.

Немалый интерес вызывает теория К. Лоренца о функциях ритуала. Исследуя адаптивное и ритуализованное поведение животных, он переносит свои выводы на сферу человеческого поведения. Лоренц выделяет четыре функции ритуализованного поведения животных: коммуникация, направление, создание новых мотиваций, дифференциация видов. Эти функции в дальнейшем преобразовываются и рассматриваются как сугубо человеческие формы поведения.⁷ Если в отношении человеческого развития мы говорим о социализации, то в животном мире мы имеем дело с ритуализацией. В процессе ритуализации, согласно Лоренцу, образуются формы поведения, обладающие адаптивной функцией. Как правило, в мире животных неадаптивные формы поведения не приобретают характер обязательного ритуала. Ритуализованные формы поведения животных способствуют выживанию вида, каждая особь способна сосуществовать в своей стае, только соблюдая ее ритуализованное поведение. Это своего рода форма коммуникаций в мире животных. Согласно Лоренцу, тот же

⁵ Там же, с. 63-64.

⁶ Емельянов В. В. Указ. соч., с. 26.

⁷ Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М., 1993, с. 428.

процесс мы наблюдаем в человеческом обществе. Для полноценной коммуникации и взаимодействия человек должен соблюдать конкретные ритуализованные формы поведения; по сути, это то, что зовется социальными нормами. В животном мире ритуал является формой коммуникации, у людей ритуал, социальные нормы также являются адаптивными паттернами взаимодействия.

Лоренц выводит формирование культуры из ритуализованного поведения. Ритуал и культура, по сути, синонимы. Культура является социальной стороной ритуала. Ритуал представляет собой образец поведения в животном мире, и в этом смысле наши социальные представления и нормы, наши ценностные ориентации являются, строго говоря, ритуальными действиями. Приведем достаточно целостное определение ритуала, данное В. Емельяновым: «Ритуал должно рассматривать как символическую форму поведения живых организмов, связанную с их адаптацией к условиям окружающей среды, направляющую упорядочивающую их жизненную активность, способствующую возникновению коммуникативных и ценностных систем и служащую основным материалом для образования новых форм поведения, согласованных со своими образцами»⁸. Собственно, ритуал представляет собой определенную церемонию, проводимую с некой терапевтической целью, как сознательной, так и бессознательной. Религиозные ритуалы востребованы как раз вследствие переживаемой терапевтической функции или ее осознанием.

В концепции голландского психиатра А. Рюмке компульсивный синдром в целом соответствует классическому психиатрическому подходу. «Пациент прекрасно осознает, что постоянное размышление на одни и те же темы, или постоянный счет предметов, или постоянное мытье рук не имеет смысла; зачастую он даже находит подобные мысли, поступки и ритуалы бесполезными, глупыми или иррациональными – и все равно не может отделаться от них, поскольку в противном случае становится боязливым и напряженным. С одной стороны, он изо всех сил старается бороться со своей компульсией, но, с другой, вынужден снова и снова ей поддаваться. Страх и паника, возникающие при попытке игнорировать компульсию, сразу же исчезают, как только компульсивный ритуал выполняется в очередной раз. Такое чувство облегчения в результате подчинения компульсии является одним из подкрепляющих механизмов, благодаря которым компульсия продолжает существовать»⁹. Образно говоря, смысл компульсий в уменьшении страданий без понимания их причин. Рюмке употребляет два термина при описании этого невроза: компульсивные мысли и компульсивные действия. Во всех видах

⁸ Емельянов В. В. Указ. соч., с. 27.

⁹ Рюмке А. Психиатрия. Целостный взгляд. В 2-х томах. Том 2. Киев: «Наири», 2012, с. 66-67.

компульсий основной угрозой для больного является страх потери контроля над поведением. Поэтому защитный смысл компульсий очевиден: действия служат нейтрализации аморальных мыслей, импульсов и представлений. Касательно нашего исследования, приведем описание компульсивного ритуала, предложенного Рюмке: «Компульсивные действия способны принимать форму компульсивного ритуала. Такие навязчивые ритуалы похожи на шаманские ритуальные обряды, практикуемые в некоторых культурах, а также на выдуманные магические действия, которые почти все из нас когда – то совершали в детстве (например, привычка всегда наступать на третью ступеньку крыльца) с той разницей, что они утратили разумную взаимосвязь с жизнью. Комппульсивный ритуал представляет собой набор действий, выполняемых конкретным, строго предписанным образом и в определенной последовательности».¹⁰ Примеров компульсивного ритуала описано множество. В качестве иллюстрации приведем один: студент-теолог каждый день повторяет 10 молитв и столько же раз падает на колени, чтобы компенсировать свои дурные мысли перед Богом. Таким образом, если мы рассматриваем эти действия в конкретном религиозном или культурном контексте, то убеждаем себя, что находимся в границах нормы. «По аналогии с религиозными, заклинательными и траурными ритуалами, компульсивные ритуалы способны выполнять функцию обряда, помогающего внести порядок и уверенность в охваченный болью, хаосом и горем внутренний мир»¹¹.

В психоанализе, как, впрочем, и в аналитической психологии, ритуал рассматривается как симптом, как повторяющиеся действия или отдельные формы поведения, латентно содержащие терапевтическую функцию. Однако далеко не всегда навязчивое поведение нацелено на терапевтическую цель. В психоаналитической парадигме ритуал рассматривается также как замещение сексуальной или агрессивной активности. В этом значении ритуал имеет катарсическое значение, он удовлетворяет требования Ид и одновременно не вызывает критики со стороны Сверх-Я. Сверх-Я не усматривает в ритуале аморальных действий. В формировании ритуала несложно заметить аналогию с процессом образования сновидений. Это означает, что формирование навязчивых действий носит бессознательный характер. Всякий ритуал – это некий компромисс между Ид и Супер-Эго. На уровне Я личности достигается состояние «ложной» целостности. Я личности критически оценивает свою ситуацию, при этом возможный конфликт между Ид и Сверх-Я погашается. По сути, это ситуация, при которой критическая функция принципа реальности активна, однако со стороны других инстанций психического аппарата жалоб не поступает. Мы имеем дело с процессом символизации конфликта,

¹⁰ Там же, с. 70.

¹¹ Там же, с. 77.

конфликт перемещается в поле ритуальности, тем самым создавая иллюзию нормы. Ид и Сверх-Я имеют все основания чувствовать себя комфортно, однако Я личности критически осознает некую бессмысленность навязанной нормы. К слову сказать, при любом невротическом конфликте всегда существует инстанция психического аппарата, которая довольна сложившейся ситуацией. Защитные силы в подобной ситуации так же исходят из бессознательного, как это происходит при символизации в сновидческой активности, когда цензура сновидения не подмечает переодетых в символы аморальных желаний видящего сон. Но процесс этим не завершается: как и при любом анализе, Я испытывает потребность избавления от невротического конфликта и одновременно сопротивляется терапии.

Стоит обратить внимание на причины происхождения невроза навязчивостей. «Структура личности человека с неврозом навязчивости определяется выраженным контрастом между Оно и Сверх-Я: сферы побуждений и совести к этому очень предрасположены. Ананкастный вид реагирования происходит в результате строгого воспитания, непреклонного соблюдения порядка и чистоты, сверхзаботливого приручения к чистоплотности в раннем детстве, запрещения реализации сексуальных побуждений и угрозы наказания как общей фрустрации детских потребностей, прежде всего, эдипальных импульсов»¹². Навязчивости формируются вследствие вытеснения либидо на анальную стадию психосексуального развития. Мы имеем дело с регрессией на пройденный этап развития. Одновременно эта регрессия есть возврат к магическому образу мышления, который позволяет больному считать, что навязчивость можно преодолеть магическим ритуалом. Ритуальные действия нацелены на неосознаваемые импульсы сексуального или агрессивного характера, вытесненных в сферу бессознательного. Эффективность таких действий также имеет несколько магический смысл, понятный больному всего лишь в качестве защиты. Поэтому больной неосознанно сопротивляется процессу терапии. Таким образом, навязчивости можно рассматривать и как следствие сопротивления Я личности процессу терапии. И это сопротивление будет продолжаться, пока психика человека не найдет иные пути разрешения конфликта, кроме ритуального. Ритуальный способ разрешения конфликта необходим, но недостаточен. Ритуал как таковой с психоаналитической точки зрения представляет собой замаскированное магическое мышление человека. Ритуал встречается при различных нозологиях, однако в структуре навязчивых состояний он составляет первоочередную функцию психологической защиты. Уместно также добавить, что в различных случаях активизируются различные виды психологических защит, при навязчивостях чаще всего фигурируют

¹² Телле Р. Психиатрия с элементами психотерапии. М.: «Высшая школа», 1999, с. 121.

изоляция и реактивное образование. Психоанализ, несмотря на достаточно глубокое исследование навязчивостей, все-таки несколько ограничил подходы к этой нозологии, в частности в генезе развития навязчивостей выделяются лишь два фактора: анальный конфликт и конфликт, вызванный мастурбацией. Примером является навязчивое мытье рук как бессознательное ритуальное действие, имеющее целью устранить или подавить желания испачкаться испражнениями. При этом мы имеем дело с защитным механизмом реактивного образования, т.е. с обратным чувством. Эта форма защиты противоположна вытесненному желанию – чистота против желания испачкаться.

В психоанализе ритуалы рассматриваются также в контексте нормы как запрограммированные формы игры или деятельности. Практически любая деятельность сопровождается ритуалами. Если рассмотреть ритуальные действия в некоем континууме, то легко обнаружится их широкий диапазон, начиная от адаптивных, религиозных обрядов до ритуалов больных обсессивно-компульсивным неврозом. Каким образом мы различаем нормальный ритуал и невротический? Практически каждое ритуальное действие так или иначе несет в себе функцию защиты или удовлетворения какой-то потребности. В психоанализе выделяется критерий, согласно которому ритуал становится навязчивым, когда невозможность его совершить формирует у личности тревогу или ожидание чего-то трагического. Этот критерий различения, несмотря на свою очевидность, все же несколько абстрактен, лишен предметности, так как запрещение всякого ритуального, повторяющегося действия вызывает тревогу различной интенсивности. Однако в психоанализе ритуал считается компонентом навязчивого поведения, если выполняет функцию защиты. Прерывание ритуала побуждает индивида попытаться его завершить. Пока ритуал не будет завершен, чувство тревоги не исчезает; таким видится критерий различения ритуала в норме от невротического ритуала. Ритуалы в норме суть действия, которые не связаны с невротическим конфликтом и не являются интрапсихической личностной защитой. Таковы религиозные ритуалы, носящие не личностный, а групповой характер, в отношении которых не возникает желания повторить их. Мы бы добавили к этому, что если ритуалы носят групповой характер и продиктованы филогенетическим опытом, то в психопатологическом смысле они не являются навязчивыми действиями.

В психоаналитической психопатологии идея интрапсихического конфликта – ключевая. Однако понятие «конфликт» нельзя ограничивать психопатологическими границами, особенно если мы говорим о ритуальных действиях. Более того, интрапсихические конфликты присущи нормальной психической жизни, без них невозможно психическое развитие личности. Проблема нам видится не в наличии или отсутствии конфликта, а в степени

его разрешенности. К примеру, конфликты анального этапа психосексуального развития при фиксации на этой стадии могут привести к навязчивости. Тогда как их разрешение – необходимый фактор, устраняющий в зрелом возрасте навязчивость. Поэтому можно утверждать, что конфликты детства могут в зрелом возрасте трансформироваться в патологию.

При неврозе навязчивых состояний или обсессивно-компульсивном неврозе имеет место психический конфликт, которому присуща конкретная структура. Один из главных ее элементов –drive derivative (инстинктивный импульс). По сути, в навязчивых действиях легко обнаружить детские желания либидного или агрессивного характера. Одновременно с нацеленностью на получение удовольствия ребенок стремится избежать боли. Это стремление рассматривается в психоанализе как следующий элемент психического конфликта. По сути, в ритуальном действии больного заметны как первый, так и второй элемент психического конфликта – желание удовольствия и страх этого желания. Конфликт этих элементов порождает тревогу. Сама тревога ощущается опять-таки не предметно, а как ожидание какого-то бедствия. Поэтому навязчивые мысли погашаются навязчивыми действиями, которые должны предотвратить несчастье. В процессе психосексуального развития ребенка понятие несчастья или бедствия включают в себя страх потери любви родителей, страх потери самих родителей, страх кастрации за эдипальные желания. Все эти страхи практически неподвластны человеку как в детстве, так и во взрослой жизни. Поэтому ритуально-навязчивые действия или мысли являются в этом смысловом поле примитивной защитой против переживаемых угроз. Конечно же, ритуальная тематика при тщательном анализе имеет мифологические, т.е. филогенетические корни, хотя, наблюдая навязчивое поведение, мало кто свяжет его с этими древними формами адаптации к непредсказуемым изменениям жизни. Кроме того, понимание филогенетических основ такого поведения доступно не всем. Эти действия носят не только механический характер, они наполнены смыслом, и этот смысл понятен больному. Однако мотивация поведения требует психологического анализа. Будь подобное поведение лишено смысла, оно бы не закреплялось в психике в качестве защитной реакции. Смысл, безусловно, существует, но остается за пределами осознания. С другой стороны, при навязчивых действиях человек, как правило, пытается объяснить свое поведение, подогнать его под здравый смысл. Это означает, что больной, понимая, что ведет себя несуразно, не понимает, однако, почему так происходит. Полагая, что знает цель своих действий, на самом деле не видит ее, иначе не пытался бы их обосновать.

Если поведение человека понятно окружающим, то обосновывать его не имеет смысла. Больной неврозом навязчивых состояний находится на границе двух реальностей, в одной из них он совершает компульсивные действия, в другой же пытается их объяснить. Ритуал в его смысловом

значении можно рассматривать как некий психический мост, соединяющий две реальности. Навязчивые действия активизируются в ситуации смутной надвигающейся угрозы. А так как ритуал формируется или пробуждается бессознательно, когда личность переживает неясную угрозу, то, значит, ритуальные действия содержат для нее защитный смысл, имеют психическую важность и входят в число ее бессознательных ценностей. Эти действия нацелены на восстановление психической целостности личности. Ритуал необходимо рассматривать также в качестве особого психического состояния, которое бессознательно отодвигает угрозу от человека. Смысл ритуала как филогенетически, так и онтогенетически состоит в формировании новой психической реальности. Дело в том, что в этой новой реальности создается новая система защит и одновременно человек дистанцируется от реальности, которую принято называть объективной, но которая на самом деле субъективна. Таким образом, ритуал содержит в себе возможности трансформации личности. В психоаналитической парадигме принимается как аксиома идея о том, что ритуальные действия имеют символический смысл, который отражает интрапсихический конфликт человека. Стереотипность действий наполнена смыслом, и если последовательность этих стереотипных действий нарушается, то они воспроизводятся больным с самого начала. Каждое ритуальное действие демонстрирует бессознательные желания, в основном табуированного характера.

Ритуал, таким образом, это компромиссное решение интрапсихического конфликта. Как правило, в ритуальных действиях отражаются конфликты интимной сферы личности, уходящие корнями в ранний период психосексуального развития. Ритуалы в контексте обсессивно-компульсивного невроза получили название невротических ритуалов, в отличие от иных сакральных последовательных и повторяющихся действий. Однако в психоанализе любой ритуал относится к невротическим, будь он религиозный или светского происхождения. А. Ю. Марин пишет: «Общим местом любого психоаналитического исследования религиозных проблем стало указание на то, что опыт, получаемый в результате психоаналитической терапии неврозов, обнаруживает поразительное сходство между ритуально-религиозным поведением и манерами навязчивых невротиков. Отсюда берёт начало широко распространённое среди аналитиков мнение о том, что религия – это не что иное, как обсессивный невроз, растянутый до масштабов некоего сообщества»¹³. При неврозе навязчивости, или обсессивно-компульсивном неврозе в современной терминологии, психоанализ усматривает много общего с религиозной практикой. Сходство между ритуально-религиозным поведе-

¹³ **Марин А.** Невроз и перверзия в зеркале ритуала // «Медицина и образование в Сибири», 2012, № 1, с. 2.

нием и манерами навязчивых невротиков было замечено в процессе психоаналитической терапии больных. С психоаналитической точки зрения навязчивые действия, совершаемые больным, имеют для него магическое значение, это не просто действия, обсессии звучат как заклинания, а компульсии как реальные действия, способные отвратить беду. Таким образом, в неврозе навязчивости психоанализ усматривает элементы магического мышления, которое было свойственно человеку в древности. Схема навязчивостей довольно проста: человека беспокоит утрата контроля над поведением, страх того, что он может совершить «греховные» действия. В качестве защиты от возможной утраты контроля выступают обсессии и компульсии. Невроз навязчивостей – это четко выстроенная психологическая защита против возможных аморальных действий. По сути, именно этим объясняется тот факт, что больные обсессивно-компульсивным неврозом часто посещают церковь и пытаются стать верующими. Какова мотивация такой трансформации личности? Психоанализ исходит из того, что, становясь верующим, больной переносит источник зла из собственной психики на внешних демонов. Недаром же в мрачном средневековье людей, одержимых дьяволом, сжигали на кострах или подвергали экзорцизму, принятому в католической традиции. Это процедура изгнания бесов с помощью молитв или ритуалов. С помощью ритуальных действий, посещения церкви больные бессознательно пытаются трансформировать невротическую навязчивость в некий священный акт.

В психоанализе проводились попытки сравнить перверзные ритуалы с невротическими. На определенную общность этих видов ритуалов указывал Т. Рейк: «Бессознательная сторона склонности к ненависти и осуждению, которая проявляет себя в форме самонаказания, точно так же даёт себя знать в виде клятв, зарок и категорических утверждений (которые при определённых условиях оборачиваются проклятиями), как и в виде аналогичных симптомов обсессивных неврозов»¹⁴. Любопытную мысль приводит юнгианский психолог Фриц Риман относительно предметов невротической навязчивости: это, согласно Канту, звездное небо и нравственный императив внутри нас. В отношении этих двух вещей у каждого человека складываются вполне сакральные представления: «По мере того как мы познаем свое место в космическом порядке, мы находим принципы организации в нас самих и, прежде всего, определяем это в качестве принципа, т. е. исходим из того, что этот порядок не выдуман человеком и является фундаментальным условием нашего жизненного устройства»¹⁵. Риман считает, что в основе навязчивости может лежать

¹⁴ **Reik T.** Rituals. Couvade. The pubertal Rites of the Savages. Kol Nidre. The Shofar / T. Reik // Farrar, Straus and company, inc. — USA, New York, 1946, p. 193.

¹⁵ **Риман Ф.** Основные формы страха. М.: «Алетейа», 1999, с. 102.

страх исчезновения, страх смерти. Кроме того, «основной проблемой людей с навязчивостями мы считаем также переоценку потребности в собственной безопасности. Осторожность, предвидение, долгосрочное целенаправленное планирование, вообще установка на длительный период существования и продление существующего – все это связано с упомянутой потребностью. С точки зрения содержания страха данная проблема описывается как страх перед риском, перед изменениями, перед преходящим»¹⁶. Навязчивые действия, обладая защитной функцией, так или иначе нацелены на бегство от смерти. В основе навязчивостей в психодинамической парадигме рассматривается страх смерти. В этом значении происхождение и, что самое важное, сохранение ритуала приобретает свою обоснованную интерпретацию. Навязчивые состояния имеют свои конкретные критерии, описанные в психиатрии. Из этих критериев мы хотели бы отметить основные: субъективность, произвольность, повторяемость, борьба, защита и чуждость по отношению к Я. Говоря о защите как критерии навязчивостей или потребности в защитных действиях при этих состояниях, мы выделяем две ее формы: прямую и опосредованную, или непрямую, защиту. Прямая защита достаточно проста и понятна: при навязчивом страхе инфаркта больным выбирается маршрут, на котором должны быть больницы или поликлиники, при навязчивом страхе инфекции больной постоянно моет руки и продельвает эту процедуру в конкретной последовательности.

Ритуал или ритуальные действия – это вид опосредованной или не прямой защиты. Если в первом случае больному понятна определенная причинно-следственная связь между его мыслями и действиями, то во втором случае такая непосредственная связь отсутствует или, точнее говоря, не осознается. Но так как все же ритуальные действия имеют место, то это означает, что они имеют и смысл. Здесь мы хотим внести необходимую поправку: даже в случае прямой защиты, несмотря на видимую причинно-следственную связь действий больного, эти действия логически не обоснованы, больной видит причинно-следственную связь, он придумывает для своих действий какое-то обоснование, однако на самом деле именно отсутствие объективной обоснованности действий как раз и вызывает мучительные переживания больного. Его действия носят навязчивый характер. Если бы при неврозе навязчивостей действия больного были и вправду полноценно обоснованы, то он не испытывал бы их навязчивого характера, не ощущал бы чуждости этих действий своему Я. Если бы для страдающего навязчивыми состояниями человека его действия носили объективно обоснованный и произвольный характер, то в таком случае человек был бы здоров. Возможная связь между ритуальными действиями и их смыслом далеко не очевидна. Человек производит какие-

¹⁶ Там же, с. 105.

то действия, не понимая их смысла, но при этом ощущая их важное значение для своего психического состояния. Любое наше действие, смысл которого нам непонятен, имеет для нас в той или иной степени навязчивый характер. Это положение, несмотря на свою категоричность, может быть обосновано на примерах нашей религиозной жизни. На первый взгляд может показаться, что ритуальные навязчивые действия нацелены на какую-то завершенность, на привнесение некоего регламента во все жизненные ситуации. Однако постоянное возвращение к тем же действиям говорит об обратном. Никакое действие не может быть закончено раз и навсегда, так как иначе человек придет к концу, к смерти. Постоянно возобновляя действия, больной отводит от себя мысли о конечности жизни. Смысл навязчивых действий, а также obsessions – это стремление к незавершенности, так как завершенность являет собой конец. Навязчивые мысли и действия могут быть определены в качестве гиперконтроля жизненных ситуаций. Утрата навязчивостей расценивается как утрата контроля. Особенно подчеркнуто этот страх утраты контроля прослеживается при контрастных навязчивостях: при страхе убийства собственного ребенка, страхе выразиться непристойно в церкви. Навязчивые действия, таким образом, могут быть расценены как попытка продления жизни, как стремление к бессмертию. «Все, что движется к окончанию, напоминает им о преходящем и, в конечном счете, о смерти. У каждого из нас есть такой страх, и все мы желаем продления своего существования и даже бессмертия; все мы ищем чего-то бесконечного и испытываем глубокое удовлетворение, когда вновь находим вещи, к которым привыкли, но которые по различным причинам утратили. В этом плане мы понимаем и страсть к коллекционированию: что бы мы ни собирали – почтовые марки, монеты или фарфор, – нами руководит неосознанный мотив вечности, некая гарантия бессмертия – ведь как бы богата ни была наша коллекция, в ней всегда недостает той или иной вещи. Другие ищут продления существования и вечности в приобретении средств продолжения жизни, или изобретают вечный двигатель, или придают своим собственным воззрениям и теориям характер всеобщности и вневременности, пытаясь сделать их бессрочными по своей действительности. Уже одна наша склонность придерживаться любимых привычек и удерживать впечатления, особенно тогда, когда им что-то угрожает со стороны, свидетельствует о нашем желании продлить свое существование»¹⁷. В психодинамике в качестве навязчивостей рассматриваются также догматизм и консерватизм, чрезмерная предубежденность и принципиальность, как и различные формы фанатизма. Все эти черты говорят об одном: психотерапия навязчивых состояний крайне осложняется тем, что больные сопротивляются терапии, так как видят опасность утраты контроля над

¹⁷ Там же.

собственным поведением в различных жизненных ситуациях. Даже на уровне житейского опыта мы знаем, как сложно бывает отказаться от собственного мнения, от собственных предубеждений, которые, по сути, лишь мешают нам полноценно жить и адаптироваться к социальной среде. «Мы всегда испытываем страх и подвергаем сомнению все то, что может поколебать или изменить наши привычки, знания, верования, нашу безопасность, и не исключаем того, что новые взгляды и открытия являются ошибкой или обманом. Чем уже наш собственный кругозор и чем более ограничены горизонты нашего познания, тем больше мы стремимся сохранить все в неизменном виде, тем больше боимся утратить свою безопасность вследствие новых изменений и открытий»¹⁸.

Логика навязчивых состояний беспощадна к переменам обыденности, человек отстаивает свои привычки, цепляется за свой сценарий жизни, несмотря на то, что этот сценарий доставляет ему психические страдания. Постоянно цепляясь за старые способы адаптации, человек пытается тем самым остановить время, избежать физического разрушения. В контексте психодинамического рассмотрения, с учетом положения об инстинкте саморазрушения можно предположить, что ритуальные действия нацелены на борьбу или сопротивление силе Танатоса. Привычный образ жизни, сценарий жизни также рассматривается как ритуал, нарушение которого вызывает тревогу и поиск новых путей адаптации, то есть поиск новых ритуалов. Человеку присуще избегать новшеств в устоявшейся жизни, к адаптированному существованию. Новые социальные условия, новые эмоциональные потрясения, в конце концов, переживания взросления и старения неизбежно порождают необходимость поиска новых адаптивных схем. Когда результативность этого поиска или эффективность новых адаптационных схем вызывает сомнение или же порождает тревогу, тогда в качестве психической защиты могут формироваться навязчивые состояния. Неопределенность будущего заставляет цепляться за прошлое. Психоаналитическая интерпретация невроза навязчивостей строится на базовых принципах функционирования бессознательного: сексуальное влечение (драйв), которое обеспечивает продолжение рода, то есть соответствует закону сохранения энергии, и влечение к смерти. Эти два противоположных драйва лежат в основе поведения личности. Невроз навязчивостей имеет отличительную черту: в структуре этой нозологии мы видим совмещение несовместимого. С одной стороны, гипертационализм, с другой – поглощенность магической реальностью. Для ананкаста нет сомнений в существовании магической или мистической сферы реальности, из которой поступают важнейшие для человека импульсы. Ананкаст одновременно может обладать вполне рациональным мировоззрением, но с другой стороны, все иррациональное вызывает у него также

¹⁸ Там же.

чувство реальности. Это явление З. Фрейд назвал «всевластием мысли». Обсессивный больной уверен, что магические процедуры обладают реальностью, точно так же, как примитивное сознание древнего человека не сомневается в действенности заклинаний или иных магических действий. Ананкаст в этом смысле является нашим «современным предком». Можно заметить определенное сходство между ананкастной и параноидальной установкой в поведении личности. Тем не менее, существует одно весомое отличие: при навязчивости функционирует иная, чем при паранойе, психологическая защита; изоляция при параноидальных проявлениях – это проекция. Для ананкаста чрезвычайно важно иметь строго регламентированную картину мира, реальность должна быть тщательно схематически очерчена. И эта гиперрациональность сознательной установки компенсируется или уравнивается приверженностью к магическому миропониманию на бессознательном уровне психики.

Ключевые слова: *ритуал, терапевтический эффект, сверхъестественные силы, терапевтическая функция, религиозные ритуалы*

ՎԼԱԴԻՄԻՐ ՄԻԿԱՅԵԼՅԱՆ, ԷՐԻԿ ՄԻԿԱՅԵԼՅԱՆ – Ծիսակարգի հոգեդինամիկ վերլուծությունը անձի կաշուն վիճակների ներքին կառուցվածքում – Կաշուն գործողությունները, ինչպես նաև օբյեկտիվները իրենցից ներկայացնում են ձգտում դեպի անավարտությունը, քանի որ ավարտվածությունը նշանակում է վերջ: Կաշուն մտքերն ու գործողությունները կարող են սահմանվել որպես գերհսկողություն կյանքի իրավիճակների նկատմամբ, իսկ դրանց կորուստը կնշանակի հսկողության կորուստ:

Բանալի բառեր - *ծիսակարգ, թերապևտիկ էֆեկտ, գերբնական ուժեր, թերապևտիկ գործառնություն, կրոնական ծիսակարգեր*

VLADIMIR MIKAYELYAN, ERIK MIKAYELYAN – Psychodynamic Analysis of the Function of the Ritual in the Structure of the Neurosis of Obsessive Personality States. – Ritual, as a historical phenomenon, is a certain ceremony or service with a certain meaning. Religious rituals are known to contain a therapeutic function. There is nothing in psychotherapy that previously would not exist in religion. Consciously or unconsciously, ritual participants experience a certain therapeutic effect and, at the same time, they ascribe improvement to their condition to supernatural forces. During the ritual ceremony there is a need to find a mystical connection between words, actions and their effects.

Key words: *ritual, therapeutic effect, supernatural forces, therapeutic function, religious rituals*

Ներկայացվել է՝ 16.04.2019

Գրախոսվել է՝ 15.05.2019

Ընդունվել է տպագրության՝ 04.06.2019